

знакомые, вытащить отсюда. Я смотрел и мне казалось, что вся моя жизнь, все ощущение — перевернуто в глаза. Я не слышал веселого говора толпы кругом, будничного шума голодных людей, наполнявших рестораны позади, — рестораны первой платформы, не сознавая, что новья толпа, поднимавшаяся сюда снизу, толкает меня и увосать собою на друга стороны башни. Передо мною было зрелище чудное, величавое, царственное, где тысячи деталей сливались в одно стройное и художественное целое, где отдельные краски расплывались в общем пасмурном, если хотите, колорите, где колоссальнейшие сооружения казались ничтожными, колокольни и башни черточками, соборы не давали вас своим исключительным величием и скромно уступали, где-то далеко под вашими ногами, отступали и давали место одному — Парижу, всему Парижу, если хотите, общей формулы Парижа, которую вы могли охватить одним взглядом... Да, весь этот чудовищный город с его трехмиллионным населением, с его бесчисленными дворцами, с его пышностью и нищетой, благородными порывами и жалким себялюбием, с величием массовых инстинктов и работом той же массы, Париж Первой республики и Наполеона, Париж энциклопедистов и гильотины, Париж благороднейших энтузиастов и гнуснейших буржуа, Париж, где бьется сердце цлага мира, Париж, который вы и ненавидели и любили, перед которым и преклонялись и презирали его — был подо мною... И не только был подо и передо мною, но он позволял охватить себя сразу, отовсюду, он был мой в эту минуту, он был моим зрелищем, моей картиной, моим ощущением... На душе росло восторженное чувство, — и на первых порах я видел только его *весь*, это целое, не замечая деталей, которые уже потом стали мало-помалу выступать из цлага моря силуэтов, в беззвучном разнообразии сливавшихся в одну очаровательную фантазмагорю...

— Это сказка, а не действительность! — воскликнул известный поэт Франсуа Коппе, любивший Париж отсюда.

Сказка, которую слыхал действительно Эйфель...

Только на следующий день, когда я опять приехал сюда и взомел на верхнюю галерею, в раскинувшейся передо мною осуществленной сказке Парижа я мог различить и разобрать отдельные черты... Я не говорю уже о громадном разнообразии куполов, кровель, фасадов, отдельных дворцов, арок, kiosков, которое представляет прямо перед нами выставка, с ее фонтанами, прудами, статуями, невыразимую пестроту, тысячами флагов, гербов, девизов; от одного этого могла бы закружиться голова... Я смотрел не на нее... Я смотрел, если будет позволено так выразиться, через ее голову дальше... Вон за куполом дворца изящных искусств — цлый мираж и какой мираж! Он то ярко проступает на солнце, то уходит в какую-то золотистую дымку. Вглядитесь в него... За Avenue de la Bourdonnais, прорезанною точно пополам под вами, среди марева домов и капелл, куполов и садов поднимается стройное, два готических шпилья св. Клотильды. Их черные силуэты точно вырваны из задуманных объятий колоссального города. Вон тяжелая, двуглавая масса Notre-Dame — вся в чаше своих барельефов и статуй. Какою крохотной кажется она отсюда эта величавая базилика старого Парижа, говорящая вам о далеком-далеком времени. XII и XIII столетиях, с их рыцарством, прелатами. От этого строго и строго фасада встает на вас всей историей Франция и какой историей! где каждая строчка — поэтическая легенда, каждое событие — оживалось в цлом человечестве радостью или болью... Вам чудится, что вы различаете аркады этого собора и струю массу старых домов кругом. Это сердце Парижа, остров Лютеции, из которого он разросся весь пышный и августейший, захватив в свои околотки промалое, окружавшее его, как-то-то пространство лесов и прудов... Дальше направо — чудный Ивандаль, весь горящий полнотой под солнцем, и затмев башня св. Сульпиция — храма бывшего до христианского церковным, то капеллою «Победы», где 15 Брюмера VIII-го года парижане чествовали генерала Бонапарта, еще не наложившего на них,

взвешен славы и внешнего блеска, свою тяжелую деспотичную руку... Вон строгая масса Пантеона, где лежат в вине сн своем лучшие люди благородной Франции, дальше цлое море домов, дворцов и храмов... Как ни напрягайте зрение, ничего не различите в нем... Оно заходит за громадные фасады «Иностранного отдела» всемирной выставки, за ее же дворец машин и центральный купол, тяжелая масса которого с величавым фасадом — вся перед вами... Смутно из-за них в однообразном море Парижа то проступают, то снова исчезают башни, колокольни, дворцы, какие-то странные кровли, вам чудятся совершенно невозможные сооружения, силуэты точно выхваченные цликом из восточной сказки, — и вы не можете дать себе точного отчета, существуют ли они в действительности или только примерещились галлюцинирующему глазу. За дворцом «Свободных Искусств» вытягиваются длинные сооружения — с площадями вместо дворов, с бесчисленными окнами... Но не надолго: за казенным Парижем опять раскидывается в самую глущь картины Париж настоящий в том же бесконечном сочетании бесчисленных фасадов, силуэтов и профилей соборов и церквей, дворцов и частных построек, похожих на дворцы. Он суживается за кавалерийскими казармами. Тут уж окраины близко к вам, и вы различаете их печальную гладь — рядом с безумною кипенью и богатством этого Вавилова... Прямо прорезала его с этой стороны, точно трещина, Avenue de Suffren, за которой дымятся сотни фабрик, раскидываются цлыя линии заводов. Париж промышленный сосредоточился весь здесь — в Гренель и Жавен, и, меланхолически поблескивая под солнцем (оно то в дло прорывается сквозь пасмурное небо) под мостами Гренельским, Пасси, Вилуком Point-du-Jour, извивается медленно и красиво тихая Сена... Направо, за островом Лебедей, город снова отодвигает пустыню назад. Тут он вновь сужился, могучий и торжествующий, полный энергии и силы, задышающий от ее избытка... Пасси... Булонский лес и опять город, те отступающий, те цлыми тучами домы опять надвигающийся отовсюду... Непобедимый, неуровниваемый... Вон массивы каких-то стрых башен, фасады чудовищных павильонов, колокольни церквей, колоннады дворцов и опять мираж сливающихся до самого Mont Valerien домов и построек... Бог знает сколько их здесь — это какой-то стихийный хаос! Печально в своем одиночестве выплывает над нами обрызганный кровью и до сих пор еще не забывший своих мертвецов и неотомщенного позора Mont Valerien, и ваш взгляд невольно приковывается к нему. Вы жадно допрашиваетесь у этих отлогих склонов, у этих мягких очертаний исторического холма — какую тающую тайну хранят они от цлага мира... А дальше и вокруг кипит и шумит и бешеными волнами бьется в берега наводнение Парижа, из которого словно остров поднимается круглый дворец Трокадеро с своими колоссальными башнями, стройным куполом, лестницей, аллеями и фонтанами, с двумя колоннадами на право и на лево, которыми он, точно руками, отхватил себе огромную площадь. Сена уже под вами здесь. Она потеряла свой пустынный характер, по ней снуют тысячи пароходов и лодок. Мосты за мостами — Пасси, Иена и другие — смело перебросились через нее. За ними — величественная триумфальная арка Звезд... Какие-то памятники выдвигаются из-за домов и вновь заслоняются ими, то мелькнет среди темной площади бронзовый конь с бронзовым всадником, то выплывает белая колонна, то высунут фигура мраморной женщины на мгновение... И опять маревое Парижа, все захватывающего, все наводняющего собою. Вон Гипподром... За ним и над ним далеко-далеко, но уже весь захваченный и завоеванный Парижем величавый холм Монмартра, где вы уже не видите земли, где склоны его сплошь наметываются силуэтами выросших на нем кварталов... Ближе Дворец Промышленности, строй колоннада Мадлен, изящный фасад Оперы и наконец вся в памятниках, фонтанах и статуях площадь Согласия с своим обелиском по средине... Едва заметною черточкой выплывает Вандомская колонна — правде... Чудится она

вам или вы видите ее?... И опять дворцы за дворцами, бульвары за бульварами, площади за площадями... Лувр, сад Тюльери, далекая, площадь Республики с своей знаменитой, колонной... Это не город — это цлый мир...

Только сойдя вниз и замешавшись в будничную толпу, уйдя по уши в обыкновенную пошлость мелкой, кутящейся по своим законам жизни — можно опомниться и сообразить, что был зрителем одной из величайших, шших мировых картин...

Этого марева Парижа никогда не забудешь. Спасибо Эйфелю! Он, как колдун, дает вам возможность сразу увидеть его весь под своими ногами. И как увидеть... Я в несколько раз возвращался сюда; я любовался мировым городом во время заката, когда он весь горел, охваченный заревыми отблесками, когда умирающий день точно прощался с ним, скользя своими золотыми лучами по его куполам, колоннам, соборам, башням, фасадам домов и дворцов, огнистым сиянием заставляя его сады и спокойное зеркало Сены; и весь черный на золотом западного неба вырвался в эти минуты Mont Valerien. Париж точно холодел и стыл на восток от медленной подступавшей ночи в сумерках уже окутанной тьмою Монмартр и только на куполах и башнях той стороны еще отгорали последние отблески уходящего света. Но взамен — яркими солнцами своих электрических ламп вспыхивала башня Эйфеля и широкими щедрыми струями красиваго блага сияния обливала и шумную выставку и кипевший вокруг неа неутомимый город.

ТЕЛЕГРАММЫ

столичных газет.

Берлин. На парадном обеде в честь Государя Императора, император Вильгельм провозгласил следующий тост. „Пью за здоровье моего уважаемого друга и Гостя Его Величества Императора Российского и за продолжение дружбы, более ста лет существующей между нашими Домами. Дружбу эту я ршил заботливо поддерживать, как наследие перешедшее ко мне от моих предков.“ Государь Император поблагодарил по-французски за выраженные императором Вильгельмом дружественные чувства и провозгласил тост за здоровье императора и императрицы Германских. Затем Государь Император выпил за здоровье имперского канцлера, который при этом встал, стоя осушил бокал и низко поклонился. Потом император Вильгельм предложил тост за здоровье графа Шувалова, который тоже осушил бокал, стоя и слал низкий поклон. За обходом музыкальные пьесы исполнены были хорами лейб-гвардии гусарского и имени Императора Александра III полков. Государь Император на обеде был в мундире своего прусского уланского полка.

В Имперском указателе обнародован точный текст тоста, произнесенного вчера Государем Императором на парадном обеде по-французски. Тост гласил: „Благодарю ваше величество за ваши добрые рчи; я вполне разделяю выраженные вами чувства. За здоровье его величества императора и короля. Ура!“

Имперский указатель в специальной приветственной статье говорит: „Русский Император прибыл сюда сегодня утром в ответ на посещение Его Величества Императором Вильгельмом в прошлом году. Высокий Гость их императорских величеств был встречен в столице Германской империи с почтительностью, какая подобает повелителю великой могущественной Империи, живущей с Пруссией, и Германией уже многие годы в мире, и соответствует существующим между обоими Монархами дружественным отношениям, перешедшим к ним от отцов. С Их Императорскими Величествами сливается Германский народ в желании, чтобы высокое посещение послужило обоим народам ко благу и счастью.“

В шесть часов вечера в Виле залу королевского замка начался парадный обед, на